

Научная статья
УДК 101.2:32.019.5
doi: 10.17223/15617793/475/2

Пропаганда и «работа над мифом» в документальных сериалах (на примере фильма «Краткое пособие по тому, как устроен мир»)

Андрей Геннадиевич Иванов^{1, 2}

¹ Липецкий государственный технический университет, Липецк, Россия, agivanov2@yandex.ru

² Липецкий филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Липецк, Россия

Аннотация. Приводится контент-анализ документального сериала «Краткое пособие по тому, как устроен мир», вышедшего по мотивам книги Ги Меттана «Россия – Запад. Тысячелетняя война». Показывается, что в основе пропаганды лежит «работа над мифом», которая охватывает основные направления социально-философского осмысления современного мифа и представлена в фильме мифологемой «Жители срединных земель – Запад».

Ключевые слова: миф, пропаганда, «работа над мифом», мифы о России, образ будущего России

Источник финансирования: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31064 «Социальный миф как фактор конструирования образа будущего России: возможности, границы применения».

Для цитирования: Иванов А.Г. Пропаганда и «работа над мифом» в документальных сериалах (на примере фильма «Краткое пособие по тому, как устроен мир») // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 475. С. 15–22. doi: 10.17223/15617793/475/2

Original article
doi: 10.17223/15617793/475/2

Propaganda and “work on myth” in documentary series (using the example of the film *A Brief Guide to How the World Works*)

Andrey G. Ivanov^{1, 2}

¹ Lipetsk State Technical University, Lipetsk, Russian Federation, agivanov2@yandex.ru

² Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Lipetsk Branch, Lipetsk, Russian Federation

Abstract. The article discusses the content of the documentary series *A Brief Guide to How the World Works*, based on the book *West-Russia: The Millennium War* by Guy Mettan. The definitions of the concepts “propaganda” and “myth” are given; the connection between them is shown: the basis of propaganda is “work on myth”. Myth is understood as an immanent phenomenon of social existence, which is present in it as a mythological reality in which the “mythical” live. It is impossible for us to understand a myth without taking into account the circumstance that we call the consideration of a social myth from the point of view of at least three subjects: people living the myth (“mythical”), creator of the myth (mythmaker), critic of the myth (mythologist). Documentary series are a clear way to demonstrate work on myth. The series provides examples of the consequences that “work on myth” about Russia and Russians lead to, both in everyday life and in the political sphere. At the center of “work on myth” in the series is the mythologem “Heartland inhabitants – the West”, which goes back to such a “global myth” as “Us and Them”, and such work itself permeates the main directions of the socio-philosophical understanding of the modern myth: ontological, gnoseological, axiological, praxiological, anthropological. The emphasis is on the fact that if Westerners have long had an entire industry (cinema, media) that produces and replicates an attractive image of the future of Western countries, this is not the case in Russia, and work is needed to create and broadcast a positive image of Russia. At the same time, working with the future, due to the inevitable presence of each state’s own peculiar trail (background) or mythscape, seems no less difficult than working with the past. Nevertheless, in the series, the image of the future of Russia is presented as simplified, which corresponds to mythological representations with their simple picture of reality. Thus, many replicated images about Russia and Russians seem to be built on top of already existing myths and mythologems, which today constitutes the content of “work on myth”, vividly demonstrated by the creators of the documentary series. It is concluded that the purpose of the series was to tell the real, true story of relations between Russia and the West. But, in the end, the film itself was permeated with propaganda, cementing and strengthening the widespread ideas about Russians and Russia due to the constant reminder of them, even in the

context of attempts to expose the relevant myths. After all, exposing a myth is one of the stages of “work on myth” in the film.

Keywords: myth, propaganda, “work on myth”, myths about Russia, image of future of Russia

Financial Support: The reported study was funded by RFBR and EISR, Research Project no. 21-011-31064: Social Myth as a Factor in Constructing the Image of the Future of Russia: Opportunities, Limits of Application.

For citation: Ivanov, A.G. (2022) Propaganda and “work on myth” in documentary series (using the example of the film *A Brief Guide to How the World Works*). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 475. pp. 15–22. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/475/2

As truth collides with propaganda
Just another victim on the run.
The world outside, all fluff and candour
Seeks to justify the damage done
Роберт Плант («Another Tribe», 2005)

Энциклопедия «Британика» определяет пропаганду как более или менее систематические усилия по манипулированию убеждениями, взглядами или действиями других людей с помощью символов (слов, жестов, баннеров, памятников, музыки, одежды, знаков отличия, причёсок, рисунков на монетах и почтовых марках и т.д.). Обдуманность и относительно сильный акцент на манипуляции отличают пропаганду от непринужденной беседы или свободного и простого обмена идеями. У пропагандистов есть определенная цель или набор целей. Для достижения этих целей они намеренно отбирают факты, аргументы и символы и представляют их так, чтобы, по их мнению, получился наибольший эффект [1].

Пропаганда бывает разной. Позитивная (конструктивная) пропаганда стремится довести до потребителя те или иные убеждения в доходчивой форме. Цель позитивной пропаганды – способствовать социальной гармонии, согласию, воспитанию людей в соответствии с общепринятыми ценностями. Негативная (деструктивная) пропаганда навязывает людям те или иные убеждения по принципу «цель оправдывает средства». Цель негативной пропаганды – разжигание социальной вражды, эскалация социальных конфликтов, обострение противоречий в обществе, пробуждение низменных инстинктов у людей и тому подобное [2].

В любом случае, для пропаганды необходимо наличие идеи, целевой аудитории и средств, чтобы донести идею до целевой аудитории.

Эффективность пропаганды определяется соотношением фактического количества привлечённых сторонников к планируемому количеству.

Можно выделить три основных критерия содержания эффективной пропаганды:

- 1) наличие центрального тезиса;
- 2) легкость для понимания целевой аудиторией;
- 3) сложность для критики (обоснованность тезисов, их непротиворечивость друг другу и т.п.; хотя бы видимость этого).

Исследователь политической коммуникации Даррен Дж. Лиллекер выстраивает определение пропаганды вокруг еще одной «триады»: «В основе настоящей пропаганды лежат три основных элемента: риторика, миф и символизм» [3. С. 233].

Важной задачей пропаганды является подмена реальности, и миф как ничто лучше подходит для ее выполнения.

Так, по мнению М.Ю. Смирнова, в настоящее время мифом может быть названо все что угодно: от индивидуального вымысла в какой-нибудь житейской ситуации до идеологической концепции, реализуемой в деятельности политических сил и институтов власти. Такая щедрость приклеивания «мифологических» этикеток разнородным явлениям фактически снимает вопрос о специфике мифа, хотя и делает само понятие популярным. Далее сам М.Ю. Смирнов, фактически отказываясь от попыток дать определение категории «миф», переходит к определению областей значения некоторых терминов, производных от понятия мифа, таких как «мифология», «мифологическое сознание» [4. С. 134–159].

Несмотря на то, что существует огромное количество самых разных определений понятия «миф» – их давали и исследователи классического мифа (например, К. Леви-Стросс, М. Элиаде), и специалисты по современному мифу (Р. Барт, К. Боттичи), – мы считаем необходимой своеобразную конвергенцию при определении мифа, при которой не только учитывались бы ключевые характеристики архаического мифа, но также и интуиции системного [5], ситуационного [6] подходов к современному мифу. Миф следует понимать как содержащее устойчивое ядро повествование (выстраивающееся вокруг фигуры героя, его действий и т.п.), перманентно изменяющееся, наполняющееся все новыми сюжетами и интерпретациями, но обладающее значимостью для субъекта.

В этом смысле мы считаем наиболее полно отражающим сущность мифа определение Н.Б. Жбанкова из белорусского словаря, так как оно отражает вышеупомянутые измерения феномена: миф – это форма целостного массового переживания и истолкования действительности при помощи чувственно-наглядных образов, считающихся самостоятельными явлениями реальности [7]. Далее автор статьи о мифе отмечает неоднозначность роли мифа в жизни современного общества: «Миф как универсальная форма дотеоретического мировоззрения присутствует в различных сферах духовно-практического освоения реальности (мифы массового сознания, “гносеологические” мифы в структуре научного знания, идеологические мифы, “магический реализм” в литературе и искусстве) как необходимый и обладающий мощным продуктивным потенциалом элемент» [7]. В какой-то степени такое определение термина мифа созвучно нашему понима-

нию данного феномена – миф имманентен социальному бытию, присутствует в нем в качестве мифологической реальности, в которой живут «мифичные». Понимание мифа для нас невозможно без учета обстоятельства, которое мы называем рассмотрением социального мифа с точек зрения как минимум трех субъектов: живущего мифом («мифичный»), создателя мифа (мифотворец), критика мифа (мифолог).

Такое понимание социального мифа сразу актуализирует несколько проблем – субъекта и объекта познания; означающего и означаемого; первичной и вторичной мифологии. Для «мифичного» социальный миф является безусловной реальностью, неотъемлемой частью его картины мира; миф определяет здесь онтологические основы. Мифотворец акцентирует внимание на целях социального мифа и степени принятия социального мифа аудиторией (количестве «мифичных» относительно конкретного мифа), он, в некотором смысле, определяет этические аспекты мифа. Для мифолога определяющее значение имеют эпистемологические аспекты, средства познания социального мифа: комбинации различных теорий мифа, теоретические и эмпирические методы исследования – он ищет «истину мифа» [5. С. 41–42].

Добавим, что в основе многих видов пропаганды лежит так называемая работа над мифом. Понятие «работа над мифом» получило распространение с выходом одноименной работы Х. Блюменберга [8], в которой было отмечено, что специфика работы над мифом и самого мифа во многом определяется отношением между рассказчиками и слушателями мифа; тем, какое значение имеет миф для отдельного человека в определенных обстоятельствах. То есть работа над мифом есть процесс постоянного рассказывания-знакомства (получения) и пересказывания мифа. В результате мы имеем дело с совокупностью таких рассказов-пересказов нарративов, разворачивающихся вокруг какой-либо фигуры, ситуации, процесса, обладающих значимостью для конкретного человека, группы здесь и сейчас. Концепт «работа над мифом» предполагает, что каждый вариант мифа, так же как и каждая отдельная мифологема, работает на основе ранее существовавших мифологических повествований. Просто существовавший ранее материал далее используется в соответствии с новыми потребностями и трансформируется с целью придать значимость новым обстоятельствам (этот процесс Х. Блюменберг называет «реокупация»).

Для того чтобы определить, является ли нарратив мифом, следует ли повествование оценивать как этап «работы над мифом», необходимо разобраться с частностями: определить, какое значение конкретный нарратив имеет для определенной социальной группы. Фактически здесь речь идет о целевой аудитории, которая, как было отмечено выше, важна для задач пропаганды.

Далее следует добавить, что важное место в пропаганде занимает интерпретация, позволяющая, в конечном счете, изменить оценку любого результата.

Ярким примером работы с мифами (отметим, что «работа над мифом» включает также и работу с мифом) и, одновременно, умелой интерпретации (или

трактовки в необходимом государству ключе) является творчество В.Р. Мединского.

В 2010-е гг. популярность приобрели книги В.Р. Мединского о мифах о России [9–11]. Они были изданы огромными тиражами, и в них осуществлялись попытки разоблачения расхожих мифов о России с привлечением исторических источников. Впрочем, доводы автора томов «Мифы о России» довольно неоднозначно были восприняты профессиональными историками. Критике подвергались главным образом собственно взгляды В.Р. Мединского – убеждение в необходимости позитивной трактовки отечественной истории и готовность интерпретировать разночтения в источниках в пользу национальных интересов.

Отметим, что в центре внимания В.Р. Мединского находятся негативные (деструктивные) мифы о России. Автор даже осуществил своеобразную попытку классификации таких мифов: «Черные политические мифы о России просто поразительно стабильны.

<...> 1. Русские – народ, в психологии которого нет стремления регулярно работать, получить результат, хорошо организовать труд.

<...> 2. Русские – непосредственные и веселые дети, у которых игра легко становится жестокой и грубой, как у всех детей и дикарей.

<...> 3. Русские – рабы в душе, для них нормально почитание жестокой и грозной власти.

<...> 4. Российское государство не способно решать задачи развития, управления громадной империей. В ней царит азиатская деспотия, произвол и грубость нравов» [9. С. 30–31].

При этом, если мы сфокусируемся на информационном пространстве Запада, то мифов, которые работали бы на создание позитивного образа России и русских, практически невозможно найти. Как, впрочем, сложно отыскать и российское кинематографическое произведение, которое работало бы на создание образа России как, например, страны возможностей, в отличие от Соединенных Штатов, где целая индустрия оттачивает профессиональное мастерство в конструировании привлекательных образов Америки (кстати, если российские/советские фильмы и литературные произведения и получают награды в Европе и Америке, то, как правило, за изображение российских/советских пароксизмов – нарушений прав человека, ужасов тоталитаризма и т.п.). В результате там, на Западе, укоренился миф об Америке, предполагающий реализацию возможностей, который и демонстрируется всему остальному миру. А России вместо того чтобы наслаждаться и пользоваться преимуществами позитивных и конструктивных мифов о стране (которых, впрочем, не существует в массовом сознании), остается развенчивать «черные» мифы посредством ревизии исторических фактов.

Между тем одним из доходчивых способов демонстрации «работы над мифом» является такая разновидность телепродукции как документальные сериалы.

В январе–феврале 2021 г. на одном из федеральных телевизионных каналов России был показан сериал с многообещающим названием «Краткое пособие по тому, как устроен мир». В самом названии се-

риала налицо претензия на собственное, правильное объяснение мира. Это заставляет вспомнить об идеях М. Элиаде, что в мифе содержится история, история о том, как мир стал таким, каким он есть сегодня [12]. Лента снята по мотивам книги известного публициста и общественного деятеля, почетного основателя швейцарского клуба прессы Ги Меттана «Россия – Запад. Тысячелетняя война» [13]. В ней автор излагает свою точку зрения, согласно которой противостояние это началось не сегодня, а тысячу лет назад. С ним согласны многие свидетели нынешней эпохи, которые, так или иначе, связаны с Россией и ее историей. Книга состоит из трех частей. Первая часть показывает на конкретных примерах, насколько сильны на Западе предвзятые антирусские настроения. Вторая часть книги посвящена историческим, религиозным, идеологическим и геополитическим причинам, породившим ненависть к России, и тем формам, которые эта ненависть принимала. Третья часть книги рассказывает о методах нынешней русофобии: во-первых, это создание специального языка, которым пользуются средства массовой информации и академические круги. Во-вторых – создание образа злого гения, Владимира Путина, который вписывается в традиционную мифологию, согласно которой страшный, лохматый русский медведь послушен своему хозяину и угрожает Европе.

Документальный сериал же включал в себя четыре серии «Русофобия», «Пропаганда», «Война», «Враг». Авторы сериала сразу обозначили, что если русофобия символизировала глубинное противостояние жителей России и коллективного Запада, то пропаганда стала формой борьбы между этими двумя мирами.

Хотя сам сериал позиционирован как документальный, на наш взгляд, с полной уверенностью следует определять его и как пропагандистский, что объясняется целым рядом факторов. Так, практически все известные на сегодняшний день социально-психологические методы и приемы пропаганды находят свое воплощение в документалистике (область кинематографии, охватывающая все виды хроникальных и документальных фильмов). А зрелищность в качестве средства политической пропаганды оказывается важнейшим компонентом в представлении документального кино [14. С. 212–213]. В рассматриваемом нами сериале зрелищность буквально прорывается наружу: проявляется в эстетике (роскошные особняки, в которых дают свои комментарии нарраторы; красивая, вызывающая массу образов, музыка, дополняющая их рассказы; яркие карикатуры и мультипликационные картинки, иллюстрирующие основные идеи фильма, и т.п.).

Обратим внимание лишь на один из приемов пропаганды, который используется в документальном сериале «Краткое пособие по тому, как устроен мир»: постправда. Постправда или постистина понимается нами как отражение обстоятельств, при которых объективным фактами уделяется меньшее внимание, чем эмоциями и личной верой. Такое понимание постправды как доминирования формы над содержанием прямо отсылает к творчеству Р. Барта, считавшего, что

миф возникает на основе уже ранее существовавшей семиологической цепочки, в которой знак представляет собой итог ассоциации формы (образа) и понятия (смысла, означаемого), но далее этот знак оказывается лишь формой, которая в ассоциации с новым означаемым и дает миф [15. С. 239]. Получается, что просто форма (образ) еще далеко не миф, но содержит потенциальную возможность стать таковым; что форме для того, чтобы он смог стать мифом, необходимо придать некий смысл, определенное содержание. И не важно, кто этот смысл придает, главное, чтобы он стал общезначимым, одинаково понимаемым многими. В таком случае и форма, и оформленный вокруг нее миф получают все шансы прочно укрепиться в массовом сознании. Примерно такой же механизм оказывается задействованным при формировании постправды: яркая форма или образ как бы притягивают к себе обывателей (слушателей, зрителей).

В сериале все эти атрибуты постправды имеются: и трогательные эмоциональные рассказы-откровения участников (например, истории западных артистов о посещениях России), и декларирование расхожих, но не подкрепленных фактами утверждений (типа недоверия Запада к жителям срединных земель).

Фильм начинается с легкого для понимания центрального тезиса, позаимствованного из работ классика геополитики Хэлфорда Джона Маккиндера, который сводится к тому, что для государства самым выгодным географическим положением является срединное, центральное. В центре мира находится Евразийский континент, а в центре последнего – «сердце мира», или «Хартленд», – континентальные массы Евразии, наиболее удачная территория для контроля над всем миром. Главной идеей работ Маккиндера было стремление помешать Германии в союзе с Россией контролировать «Хартленд».

Далее «работа над мифом» продолжается и, как о само собой разумеющимся, участники сериала рассуждают о русофобии, относя возникновение этого феномена к церковному расколу 1054 г. и объясняя русофобским настроем многие антирусские проявления, включая фабрикации фейковых новостей в сегодняшнюю эпоху постправды. Здесь, конечно, очень показателен рассказ о первой реакции западных средств массовой информации на авиакатастрофу над Юберлингом, когда из-за ошибки авиадиспетчера произошло столкновение двух самолетов, в результате чего погиб 71 человек, включая 52 детей. Тогда со стороны западных СМИ сразу в ход пошли многие из известных стереотипов и мифов о России и русских.

Но прежде чем мы более детально обратимся к тому, как осуществляется «работа над мифом» в сериале, и к тем мифам, которые находятся в фокусе внимания в фильме, следует отметить два измерения мифов: осознаваемое и неосознаваемое. Первое включает в себя вполне определенный комплекс мифов, широко известный и устойчиво воспроизводимый (мифы о России, от которых стремится избавиться В.Р. Мединский, как раз относятся к таковым). Во втором случае мы сталкиваемся с неявными отсылками к мифу, происходящими спонтанно и принимающими са-

мые разнообразные формы. Однако в реальности же оба выделенных измерения мифа оказываются так тесно взаимосвязанными, что становится практически невозможно точно определить точку отсчета циркуляции соответствующего комплекса мифов: когда именно он начинает выплескиваться наружу, проявляясь как на повседневном уровне, так и в составе пространных умозаключений.

В сериале зрителю демонстрируются яркие примеры последствий, к которым приводит «работа над мифом» о России и русских. Отмечая повседневный уровень, приведем высказывание одного из участников фильма. Так, Андрей Деллос, почетный член Российской академии художеств, вспоминает, что достаточно рано стал подозревать об особом отношении европейского и американского мира к русским: «...где-нибудь в восхитительном Палермо, где моя жена сидела в кафе с маленьким ребенком в коляске, какой-то дядя начал ей кричать “Вы – русские! Вы все убийцы. Вы убиваете всех. Вы убиваете европейцев”... Ну да, дед начитался газет, и так это воспринял...». А Жером Клозен, руководитель представительства финансово-банковской ассоциации евроазиатского сотрудничества, приводит показательный факт продуманного искажения реальной истории, направленного западной массовой культурой на формирующееся сознание детей: «Русофобия, вернее, недоверие в сочетании с отрицательным имиджем, нам транслировалось с раннего детства через СМИ и массовую культуру, в основном кинематограф. Детские впечатления отпечатывают человека на всю жизнь, и от этих штампов очень трудно потом избавиться, даже если пытаешься найти какие-то разумные аргументы. Однажды, уже во взрослом возрасте, я нашел дома у родителей свой детский набор солдатиков. Ребенком я обожал играть в солдатиков времен Второй мировой войны, любил восстанавливать картины сражений. Но только найдя свою старую коллекцию, я понял, что там вообще не было русских солдат <...> русского набора не существовало».

Таких примеров немало, и их влияние распространяется в том числе и на государственные решения.

Дмитрий Борисович де Кошко, председатель координационного совета российских соотечественников во Франции, привел в фильме пример из собственной биографии, когда его русское происхождение стало препятствием для назначения на пост директора одного бюро в Москве. Хотя он тут же добавляет, что это не происходит с арабами, и их назначают в Каир, в Тунис, в Бейрут, или с евреями, которых назначали в Израиль: «В определенные моменты, вдруг, в вас тыкают: “Ну, ты – русский. Ты не совсем наш”». Недоверие к русским проникает и в самые высокие дипломатические отношения. В частности, Ив Поццо ди Борго, член парламентской ассамблеи ОБСЕ, не принужденно, в соответствующем антураже, рассказывает об одном эпизоде из его профессиональной деятельности, когда выяснилось, что больше всего виз, порядка четырехста тысяч в год, Франция выдает именно россиянам, искренне интересующимся западной, в том числе французской, культурой. Но несмотр-

я на поддержку высших должностных лиц в России и Франции, а также отсутствие проблем с безопасностью и нелегальной иммиграцией российских граждан, решение об отмене виз между Европейским союзом и Российской Федерацией так и не было принято, хотя это пункт стоял первым в повестке заседания на встрече президентов России, Франции и канцлера Германии в октябре 2010 г. во французском Довиле. Помешали принятию другого решения в том числе стереотипы и мифы (как старые, так и новые) о России и россиянах, укоренившиеся в западноевропейском сознании.

Получается, что в быту и в дипломатии приходится сталкиваться с отголосками мифологемы «Жители срединных земель – Запад». То есть оказываются задействованными самые разные уровни развертывания (реализации, функционирования) данного комплекса мифов (пусть и представленного достаточно доходчивой мифологемой). Главное здесь контекст, который напрямую связан со степенью мифологизированности социума на конкретном этапе развития. Так, В.Н. Сыров отмечал в этой связи следующее обстоятельство: «...для функционирования и господства мифосознания нет надобности в наличии или создании целостных развернутых повествований. Достаточно отдельных знаков в виде слов или высказываний из кинофильмов, рекламных посланий, звуков музыки, частей одежды, жестов, действий и т.д.» [16. С. 257].

Занимающая центральное место в сериале мифологема «Жители срединных земель – Запад», безусловно, восходит к такому «глобальному мифу», как «мы – они». «Глобальные мифы», как правило, содержат основные фундаментальные явления, называемые нами мифоконтентными феноменами (например, герой, жертва, война, враг и т.п.), что обеспечивает стабильный интерес к таким мифам и их устойчивую воспроизводимость. Причем особый интерес вызывает не какой-то абстрактный противник, а «Враг, который поближе», в отношении к которому уже исторически сложились вполне определенные представления. Или, другими словами, враг, вокруг которого уже существует устоявшийся репертуар мифов. Такой репертуар или комплекс мифов способствует в дальнейшем более легкому надстраиванию новых мифов и мифологем (способствует тому, что Х. Блюменберг назвал реокупацией). На это также обращает внимание участниками фильма, которые повествуют, что ни Османская империя в начале XX в., ни Китай сегодня, а именно Россия оказалась объектом, которому коллективный Запад стал противопоставлять себя. Россия при этом воспринималась, с одной стороны, как враг, который поближе; с другой стороны, как наследник СССР; при этом мифы о Советском Союзе легко заменялись на мифы о России. Важность наличия противника в известном смысле связана с собственной идентичностью тех, кто его создает; связана в том смысле, что наличие общего врага способствует сплочению социальной группы, народа, даже целого государства.

Далее, рассуждая о том, как искусство пропаганды проявляется в документальном сериале «Краткое пособие по тому, как устроен мир», мы покажем, что «работа над мифом» в нем пронизывает все выделяе-

мые нами направления социально-философского осмысления современного социального мифа.

Полагаем, что можно выделить следующие направления социально-философского осмысления современного мифа в соответствии с аспектами (разделами) философского знания, и отметить, как это было представлено в сериале (таблица).

Представленность в сериале «Краткое пособие по тому, как устроен мир» аспектов социально-философского осмысления современного мифа

Аспект философского знания	Направление социально-философского осмысления современного мифа	Фрагменты сериала
Онтологический	Нарративное измерение	Эстетика, окружающая нарратора: особняки, музыка
Гносеологический	Символ, символическая политика	Демонстрация разнообразных карикатур, государственных символов
Аксиологический	Политика памяти	Примеры «работы над мифом»: осознаваемой и неосознанной; представленной на повседневном и теоретическом уровнях
Праксиологический	Модальность (конструктивная/деструктивная) влияния на развитие социума	Констатация необходимости работы над позитивным имиджем России (упоминание канала Russia Today как редкого примера присутствия точки зрения России)
Антропологический	Идентичность	«Ты – русский, не совсем наш»; «Враг, который поближе»

Достичь мифам своих целей, которые преимущественно задаются мифотворцами, способствует наполненность мифов конкретными фактами, событиями, действиями, повседневными вещами, в конечном счете, нарративами. Можно даже задаться вопросом, до какой степени возможно создание современного мифа без нарратива. Нарратив представляет собой «бытие мифа», занимает важнейшее место в мифотворчестве: «...с нарратива можно вести отсчет так называемым стадиям мифологизации: нарратив – панегирический нарратив – мифологический сюжет (с присутствием множества мифологем) – оформленный “работающий” миф, устойчиво удерживающийся в сознании» [17. С. 72].

Процесс наполнения мифа нарративами происходит при активном содействии заинтересованных сторон, прежде всего, тех, кого можно назвать мифотворцами. Наполнение происходит посредством трансляции разных вариаций, например «глобального мифа» с налетом рациональности. Дело в том, что для эффективности работы мифа важным является присутствие в нем каких-либо рациональных составляющих, будь то апелляция к правовой сфере, ссылки на известных исследователей (как – в случае с рассматриваемым сериалом – обращение к идеям геополитика Х.Дж. Маккиндера). И когда уже миф оказывается наполненным такого рода нарративами, достаточно бывает простого намека на соответствующее повествование, чтобы миф заработал в полную силу.

Символ следует рассматривать здесь, прежде всего, как компонент познавательного механизма, как средство передачи смысла мифа. Постоянно мелькающие в сериале всевозможные карикатуры, символы указывают на привлечение к «работе над мифом» гносеологического аспекта.

Ценности, проверенные временем, также оказываются в поле зрения участников сериала. Они могут быть обличены в форму «рационализированной памяти» [6. Р. 259–260], что демонстрируется и в упомянутых выше случаях: подходят и пример с игрой в солдатики, и дипломатическая практика, связанная с запретами занимать должность и визовыми ограничениями для граждан России.

Рассмотрение праксиологического аспекта открывает пространство для оценки проектного потенциала мифа (прежде всего, конструктивного) и, что особенно важно, позволяет в целом говорить о соответствующей политике. То, как именно будет реализован проектный потенциал мифа, во многом зависит от работы средств массовой коммуникации над имиджем государства.

Существуют современные социальные мифы, которые способны нести положительный заряд и выполнять конструктивные функции в социуме, в том числе и применительно к политической сфере, к сфере государственного управления. Д. Армстронг назвал такие мифы «конституирующими», призывая к тому, что именно вокруг них должна выстраиваться соответствующая политика: «конституирующие мифы» (мифомоторы) представляют собой сложные мифические структуры, позволяющие определять идентичность группы в отношении к государственному образованию [18]. Связь с мифом как с маркером идентичности, на наш взгляд, имеет, главным образом, антропологический характер. И если в отношении русских и России на Западе сложились достаточно прочные представления, которые многим позволяют четко идентифицировать, так сказать, «жителя срединных земель» (примеры из сериала: «Ты – русский, не совсем наш»; «Враг, который поближе»), то самим гражданам Российской Федерации такой конституирующий миф еще предстоит найти. Идеологический и даже мировоззренческий вакуум, образовавшийся после распада Советского Союза и провалов в России либеральных реформ 1990-х гг., оказалось крайне сложно заполнить привлекательным образом будущего. Сверхаппетивные усилия современного российского государства по эксплуатации образов победы, все же, обращены в прошлое; необходима и работа с будущим.

Каким же в сериале предстает образ будущего? На наш взгляд, образ будущего в фильме упрощенный, такой же упрощенный, как и образ врага. Это, конечно, вполне соответствует мифологическим представлениям с их простой картиной реальности.

Но будущее без образа врага есть утопия, как утопичны призывы известного музыканта Роджера Уотерса избавиться от каких бы то ни было стен (палестинской, американо-мексиканской) и, в целом, от противопоставления «мы – они». Поэтому уотерсов-

ская идея, что нет «нас» и нет «их», транслируемая в его шоу «Us + Them», является лишь современной разновидностью утопии.

Опасность длительного пребывания в утопии и жизни мифом о будущем демонстрирует в настоящее время пример США. В разделе «Американская иммиграционная политика» А. Ассман замечает, что отношение к будущему как важной составной части национального мифа нашло особенно наглядное выражение в американской иммиграционной политике [19. С. 91]; и приводит цитату литературного критика Лесли Фидлера, что, будучи американцами, мы обитаем в общей утопии, а не в общей истории [19. С. 92]. Такое «господство будущего над настоящим» [20. С. 6], конечно, позволяет отвлечься от текущих проблем и исторических несправедливостей, но ориентация на утопии и мифы о будущем без «проработки» прошлого недолговечна и заканчивается возникновением взаимных претензий, что чревато социальным коллапсом. И сегодня США постепенно начинают сталкиваться с приобретающими крайние формы, такие как, например, движение «Black Lives Matter» (акции которого активно тиражируются через всевозможные медиа), кризисом функционирования старых норм, основанных на не оправдавшихся в полной мере и для всех идеалах: «Если раньше, благодаря ориентации на будущее, маятник ушел в сторону унификации, “единого человечества”, то теперь он качнулся в противоположном направлении, в сторону фрагментации» [19. С. 98–99].

Получается, что и работа с будущим должна вестись осторожно, с постоянной оглядкой на уроки прошлого; и что образ будущего невозможен без шлейфа (бэкграунда) или мифоландшафта (мифоландшафт – это дискурсивная сфера, в которой мифы постоянно формируются, передаются, реконструируются и обсуждаются [21]) с разнообразными устойчивыми стереотипами, мифологемами, мифами о стране, народе, эпохе.

В сериале явно не упоминалось, но события декабря 2017 г., связанные с допинг-скандалом и решением Международного олимпийского комитета отстранить Россию от участия в Олимпиадах под своим государственным флагом и с гимном страны, конечно, идут в копилку такого бэкграунда или мифоландшафта,

из которого и формируется образ России. В ситуации с отстранением Олимпийского комитета России присутствует, конечно, политическая составляющая, приводящая к рассуждениям о целенаправленной сознательной работе «коллективного Запада» по дискредитации образа России в глазах мирового сообщества. Расчет делается и на то, что эта история со спортсменами будет подхвачена массами, останется в коллективной памяти. В результате негативные, деструктивные мифообразы России найдут дополнительное – документальное – подтверждение. Ведь многие тиражируемые образы России и русских как бы надстраиваются над уже существующими мифами (такими, например, как глобальные мифы) и мифологемами, что составляет сегодня содержание «работы над мифом», ярко продемонстрированное автором книги «Россия – Запад. Тысячелетняя война» журналистом Ги Меттаном и создателями телевизионного сериала.

Цель сериала заключалась, на наш взгляд, в том, чтобы рассказать реальную, настоящую историю отношений России и Запада. Но в итоге сам фильм оказался пронизан пропагандой, цементирующей, укрепляющей распространенные представления о русских и России в силу постоянного напоминания о них, пусть даже в контексте попыток разоблачения соответствующих мифов. Ведь разоблачение мифа здесь оказалось одним из этапов «работы над мифом»: переходным этапом, когда происходит разрушение одного и выстраивание другого мифа на руинах предыдущего.

Таким образом, в случае с документальным сериалом «Краткое пособие по тому, как устроен мир» «работа над мифом» обнаруживалась на протяжении всего фильма, а попытка разоблачения мифов о России и русских обернулась если не очередным мифом, то как минимум включением в работу над известным мифом «мы – они», выраженным мифологемой «Жители средних земель – Запад». Конечно, борьба с негативными и деструктивными мифами должна вестись, но посредством предъявления общественности действительно документальных свидетельств, а не через трансляцию повествований, подпитывающих позитивные мифы, тем более, когда точно не известно, к каким последствиям приведет очередной такой сконструированный нарратив.

Список источников

1. Protaganda // Britannica. URL: <https://www.britannica.com/topic/propaganda> (дата обращения: 16.12.2021).
2. Цуладзе А. Большая манипулятивная игра. М. : Алгоритм, 2000. 328 с.
3. Лиллекер Д. Политическая коммуникация. Ключевые концепты / пер. с англ. С.И. Остнек. Харьков : Гуманитарный центр, 2021. 304 с.
4. Смирнов М.Ю. Российское общество между мифом и религией. Историко-социологический очерк. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2006. 228 с.
5. Иванов А.Г. Система современной социальной мифологии. СПб. : Алетейя, 2019. 182 с.
6. Bottici C. A Philosophy of Political Myth. Cambridge : Cambridge University Press, 2007. 296 p.
7. Жбанков М.Р. Миф // Новейший философский словарь / гл. научн. ред. и сост. А.А. Грицаков. Минск : Книжный Дом, 2003. С. 636.
8. Blumenberg H. Work on Myth. Cambridge, MA : MIT Press, 1985. 685 p.
9. Мединский В.Р. О русском пьянстве, лени и жестокости. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2009. 576 с.
10. Мединский В.Р. О русской демократии, грязи и «тюрьме народов». М. : ОЛМА Медиа Групп, 2010. 624 с.
11. Мединский В.Р. О русском воровстве, душе и долготерпении. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2010. 528 с.
12. Элиаде М. Аспекты мифа / пер. с фр. В.П. Большакова. М. : Академический проект, 2000. 222 с.
13. Меттан Г. Россия – Запад. Тысячелетняя война / пер. с фр. М. Аннинской, С. Булгаковой, Ю. Обозного. М. : Паулсен, 2017. 468 с.
14. Коробов А.А., Серебряков С.А. Документальное кино как средство политической пропаганды: классические и инновационные подходы в цифровую эпоху // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 212–217. doi: 10.18500/1818-9601-2019-19-2-212-217

15. Барт Р. Мифологии / пер. с фр. С.Н. Зенкина. М. : Изд-во им. Сабашниковых, 2004. 320 с.
16. Сыров В.Н. Массовая культура: мифы и реальность. М. : Водолей, 2010. 328 с.
17. Иванов А.Г. Нарративное измерение политического мифа // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 49. С. 69–78. doi: 10.17223/1998863X/49/8
18. Armstrong J.A. Nations before nationalism. Chapel Hill : University of North Carolina Press, 1982. 411 p.
19. Ассман А. Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна / пер. с нем. Б. Хлебникова. М. : Новое литературное обозрение, 2017. 272 с.
20. Лекторский В.А. Предисловие // Идеал, утопия и критическая рефлексия / отв. ред. В.А. Лекторский. М. : РОССПЭН, 1996. С. 6–10.
21. Bell D.S.A. Mythscapes: Memory, Mythology and National Identity // British Journal of Sociology. 2003. Vol. 54, № 1. P. 63–81.

References

1. Britannica. (n.d.) *Propaganda* [Online] Available from: <https://www.britannica.com/topic/propaganda> (Accessed: 16.12.2021).
2. Tsuladze, A. (2000) *Bol'shaya manipulyativnaya igra* [A big manipulative game]. Moscow: Algoritm.
3. Lilleker, D.G. (2021) *Politicheskaya kommunikatsiya. Klyuchevye kontsepty* [Key concepts in political communication]. Translated from English by S.I. Ostnek. Kharkiv: Gumanitarnyy Tsentr.
4. Smirnov, M.Yu. (2006) *Rossiyskoe obshchestvo mezhdum mifom i religiyey. Istoriko-sotsiologicheskyy ocherk* [Russian society between myth and religion. Historical and sociological essay]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University.
5. Ivanov, A.G. (2019) *Sistema sovremennoy sotsial'noy mifologii* [The system of contemporary social mythology]. Saint Petersburg: Aleteyya.
6. Bottici, C. (2007) *A philosophy of political myth*. Cambridge: Cambridge University Press.
7. Zhbankov, M.R. (2003) Mif [Myth]. In: Gritsanov, A.A. (ed.) *Noveyshiyy filosofskiy slovar'* [The newest philosophical dictionary]. Minsk: Knizhnyy Dom.
8. Blumenberg, H. (1985) *Work on myth*. Cambridge, MA: MIT Press.
9. Medinskiy, V.R. (2009) *O russkom p'yanstve, leni i zhestokosti* [About Russian drunkenness, laziness and cruelty]. Moscow: ZAO "OLMA Media Grupp".
10. Medinskiy, V.R. (2010) *O russkoy demokratii, gryazi i "tyur'me narodov"* [About Russian democracy, dirt and "prison of the peoples"]. Moscow: ZAO "OLMA Media Grupp".
11. Medinskiy, V.R. (2010) *O russkom vorovstve, dushe i dolgoterpenii* [About Russian theft, the soul and long-suffering]. Moscow: ZAO "OLMA Media Grupp".
12. Eliade, M. (2000) *Aspekty mifa* [Aspects of myth]. Translated from French by V.P. Bol'shakov. Moscow: Akademicheskyy Proekt.
13. Mettan, G. (2017) *Rossiya – Zapad. Tysyacheletnyaya voyna* [Russia –the West. The millennial war]. Translated from French by M. Anninskaya, S. Bulgakova, Yu. Oboznyy. Moscow: Paulsen.
14. Korobov, A.A. & Serebryakov, S.A. (2019) Documentary Movie as a Mean of Political Propaganda: Classical and Innovative Approaches in a Digital Epoch. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*. 19 (2). pp. 212–217. (In Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2019-19-2-212-217
15. Barthes, R. (2004) *Mifologii* [Mythologies]. Translated from French by S.N. Zenkin. Moscow: Izdatel'stvo im. Sabashnikovykh.
16. Syrov, V.N. (2010) *Massovaya kul'tura: mify i real'nost'* [Mass culture: myths and reality]. Moscow: Vodoley.
17. Ivanov, A.G. (2019) The narrative dimension of a political myth. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo univversiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 49. pp. 69–78. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/49/8
18. Armstrong, J. (1982) *Nations before nationalism*. Chapel Hill: University of North Carolina Press.
19. Assmann, A. (2017) *Raspalas' svyaz' vremyon? Vzlyot i padenie temporal'nogo rezhima Moderna* [Is time out of joint? Rise and fall of the time regime of Modernity]. Translated from German by B. Khlebnikov. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
20. Lektorskiy, V.A. (1996) Predislovie [Preface]. In: Lektorskiy, V.A. (ed.) *Ideal, utopiya i kriticheskaya refleksiya* [Ideal, utopia and critical reflection]. Moscow: ROSSPEN.
21. Bell, D.S.A. (2003) Mythscapes: Memory, Mythology and National Identity. *British Journal of Sociology*, 54, 1 (March 2003). pp. 63–81.

Информация об авторе:

Иванов А.Г. – д-р филос. наук, зав. кафедрой философии Липецкого государственного технического университета (Липецк, Россия); профессор кафедры государственной, муниципальной службы и менеджмента Липецкого филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Липецк, Россия). E-mail: agivanov2@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.G. Ivanov, Dr. Sci. (Philosophy), head of the Department of Philosophy, Lipetsk State Technical University (Lipetsk, Russian Federation); professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Lipetsk Branch (Lipetsk, Russian Federation). E-mail: agivanov2@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 20.12.2021;
одобрена после рецензирования 17.01.2022; принята к публикации 25.02.2022.*

*The article was submitted 20.12.2021;
approved after reviewing 17.01.2022; accepted for publication 25.02.2022.*